



Все замолчали; Самир поднял стоявший на земле флакон, собираясь вернуть его отцу.

— Нет, теперь он твой, это подарок тебе на день рождения и одновременно в знак начала нового этапа в твоей жизни. Подарок ценный, может, даже слишком, но для него самое время. — Отец обхватил ладоньку Самира, в которой оказался зажат флакон; он все еще поражался тому, как много общего между его сыном и старшим братом. — Итак, отныне ты поступаешь в ученики к парфюмеру.



Краткая история рода

История Самира Виджа с его исключительными способностями чувствовать запахи началась задолго до его рождения. Собственно, начало ей положили мечты дяди Самира: вдали от Лахора, на полях Первой мировой, ночами, в жестокий мороз, он тосковал по дому и красоте. Со временем острое обоняние унаследовал Самир; однако маленький мальчик, ничего не подозревая, употреблял дар на то, чтобы творить собственный мир.

Семейство Видж занялось торговлей текстилем в 1830 году; с тех пор дела их шли в гору, они поставляли роскошные ткани аристократии, дворам махараджей и чиновникам британской короны. Они завозили

шелк из Кашмира, Бенгалии, даже из Центральной Азии и с Дальнего Востока. На их складах что только не хранилось: японская парча на платье, чистейший китайский шелк для сари, нежный даккский муслин, из которого шили курту. Обосновались они в двухэтажном хавели в районе Шах-Алми, а лавку, в которой торговали своим товаром, арендовали поблизости. Однако шли годы, город вокруг них разрастался, разрасталось и их предприятие. И в конце XIX века они уже так развернулись, что приобрели большой магазин в знаменитых торговых рядах на улице Анаркали Базар; изначально там стояли казармы британской армии, затем располагалась первая в городе психиатрическая лечебница, а потом квартал превратился в оживленный рынок, куда частенько заходили высокопоставленные британцы и знатные индийцы.

Рынок Анаркали получил свое название по цвету сладкого, с привкусом горечи граната; кроме того, это было прозвище известной в Лахоре куртизанки Шариф-ун-Нисы, которой молва приписывала связь с шахзаде Салимом, сыном могольского падишаха Акбара Великого. Из-за этой связи куртизанка по велению падишаха была погребена заживо. Когда падишахом стал Салим, правивший под именем Джахангир¹, он приказал в 1615 году возвести над могилой своей возлюбленной великолепный мавзолей; внутри мавзолея находился саркофаг из чистого мрамора, покрытый резьбой, изображавшей девяносто девять имен Аллаха и персидское двустишие, в сдержанной манере передающее неугасимую любовь Джахангира. Со временем

¹ Джахангир (1569–1627) — «Повелитель мира» (*перс.*), военный и государственный деятель, четвертый падишах империи Великих Моголов.



торговые ряды поглотили это скромное посвящение, включив его в свой пестрый ландшафт; простираясь от ворот Лохари на целую милю до улицы Нила Гумбад, они превратились в торговый рай для всех и каждого.

В 1870 году, когда Сому Натху исполнилось два года, его отец, молодой человек двадцати четырех лет, открыл в Анаркали магазин. В день открытия он с гордостью водрузил над входом черно-белую табличку в традиционном стиле, перешедшую к нему по наследству, на которой по-английски и на урду было написано: «Видж и сыновья, основано в 1830 г. в Лахоре». Каждое утро отец Сома Натха, открывая ставни магазина, пристально вглядывался в дорогу, уходящую вдаль, насколько хватало глаз, до самых ворот Лохари, где был их дом. Теперь, достигнув этого средоточия торговли, где жизнь бьет ключом, он уже не сомневался: долгий путь пройден, их семья у цели.

Сому Натху было двенадцать, когда он начал работать в магазине. Он трудился добросовестно, расставляя тюрбаны и развешивая шелковые пояса в витрине. Иногда он прикладывал лоскут к щеке: так делал его отец, чтобы убедиться в качестве каждой штуки ткани, которая шла на продажу, — шероховатой парчи, гладкого креп-жоржета, зернистого крепа, тяжелого шелка. С годами Сом Натх станет последним, чьи руки — мягкие, как у ребенка, способные распознать ткань на ощупь — еще будут помнить это семейное ремесло.

Дело процветало, но в 1892 году отец Сома Натха внезапно умер: он поехал в находившуюся неподалеку деревушку Миан-Мир и там заразился холерой. После него остался единственный отпрыск, недавно женившийся Сом Натх. Который вдобавок ко всему рос без матери, умершей родами: в каждом поколении



семейства Видж женщины уходили из жизни слишком рано. И теперь Сом Натх, круглый сирота, занял в магазине место отца.

В семье не принято было брать в помощники людей со стороны, поэтому молодой Сом Натх спросил у Лилавати, своей юной кареглазой жены, получившей образование в миссионерской школе, не возьмет ли она помогать ему в работе. Та, скромно потупившись, дала согласие. Их разговор пробудил в ней воспоминания, от которых потеплело на душе: она вспомнила, как в юности отец отправил ее из деревни в город учиться, настаивая на важности образования для девочки. То был человек, опередивший свое время. Вот и ее молодой муж, из личных ли убеждений или по необходимости, был против распространенного в обществе мнения о том, что мужчина наделен особыми правами. Тогда она отметила про себя его манеру обращаться с женщиной на равных, решив, что это признак истинно хорошего человека. Такая манера действительно была ему свойственна — с той поры супруги с головой погрузились в повседневные дела, работая в магазине и занимаясь домом.

Сом Натх выходил из дому рано, чтобы открыть магазин, Лила приходила туда чуть позже с обедом для мужа. От нее пахло сандаловой пастой, которой она, следуя традиции, натиралась каждый день, и к этому запаху примешивались запахи еды: зиры и муки, помидоров и чеснока, кардамона и картофеля. Порой горьковатая куркума, которую она добавляла в блюда, набивалась ей под ногти. Все эти ароматы она приносила с собой, когда входила, и они смешивались с запахом крахмала от хлопчатобумажной ткани местной выделки и только что прибывших и еще не распако-



ванных тюков с восточным шелком. В этих ежедневных трудах Сом Натх, горевавший после смерти отца, находил утешение, а Лилу они радовали ощущением свободы. Муж и жена вели торговлю вместе, как партнеры; через несколько лет у них родились двое сыновей, Вивек и Мохан. Дети появились на свет с разницей в шесть лет, и с детства их жизненный путь был предопределен, по традиции вплетенный в канву семейного дела. Сом Натх и не догадывался, что судьба распорядится иначе.

Хотя Вивек из чувства долга и помогал в магазине, на самом деле его мало интересовало, чем различаются бархат и шифон, он не стремился вникнуть в тонкости сортов ткани, их текстуры. Возня с тряпками была не по нему, о чем он невозмутимо заявлял всякий раз, когда его спрашивали. Весь этот романтический флер вокруг потрясающе роскошных тканей, круживший голову Сому Натху, на Вивека не производил ровным счетом никакого впечатления.

Вивек мечтал о тех странах, откуда прибывали ткани, мысленно он отправлялся в увлекательное путешествие. Беря в руки восточный шелк, он гадал, какой из себя этот Китай. Делая занавески из бенгальского муслина, он представлял восточную часть страны, где эта ткань была соткана. А что же такое юг Индостана, откуда они брали невероятно красивый тамильский шелк? Отец об этих местах никогда ничего не рассказывал. Поэтому Вивек, хотя и относился к налаженному родителями семейному делу с уважением, не представлял, как будет отмеривать ткани штука за штукой, в то время как его ждал мир, полный открытий.



Отлынивая от скучных обязанностей, Вивек частенько прогуливался среди торговых рядов рынка, попивая вкусный пинни-ласси и объедаясь самосами с тамариндовым соусом в лавке Бхагавана Даса, которую держали халвай¹, или запускал воздушного змея с друзьями. Когда ему поручали доставлять заказы за пределами Старого города, он не торопился — медленно крутя педали, не спеша объезжал плантации пушистого хлопчатника вокруг железнодорожного поселка. Но больше всего ему нравилось бывать в парфюмерной лавке Кхушбу Лала, среди иттаров и эфирных масел. Вивека не так интересовали сами ароматы, как истории, связанные с ними: парфюмер Кхушбу Лал был превосходным рассказчиком и с увлечением говорил о том, чему Сом Натх не придавал значения. Он заимствовал сведения из истории и мифологии, из географии запахов, упоминал о тех, кто создавал необычные ароматы из самых обычных вещей. И Вивек умудрился, не покидая Лахора, мысленно побывать во всех уголках Индостана, изъездить весь мир. Внимая повествованиям Кхушбу Лала, он в своих мечтах шагал вдоль шафрановых полей Пампора, собирал ослепительно-белые цветки жасмина в Мадуре, искал серую амбру на побережье далекого океана, вдыхал мускусный запах кабарги² в гималайском Лехе... Он заслушивался историями о розе и сандаловом

¹ Халвай — индийская каста; традиционным занятием тех, кто к ней принадлежал, было кондитерское дело и изготовление сладостей.

² Кабарга, или мускусный олень, — небольшое парнокопытное оленевидное животное. Секрет из мускусовой железы самцов используется в восточной медицине и для изготовления очень стойких духов. Из-за наличия клыков этих животных часто называют саблезубым или клыкастым оленем.



дереве, кои почитались священными, впервые узнал о существовании аромата земли.

Вивек не представлял, чтобы подобные истории могли быть связаны с тканями, чтобы переплетения нитей, узоры могли лечь в основу легенд, чтобы каждая фалда, каждая сборка были бы окружены традицией и чтобы земля, самая земля могла быть вплетена в ткань полотна. Как Сом Натх ни старался, ему не удавалось внушить сыну значимость семейного наследия. Его предки из поколения в поколение продолжали традицию, даже не задумываясь об ином ремесле. Однако Вивек, первенец, вглядывался в горизонт и видел там нечто более обширное и необозримое, нежели ярды ткани. С годами это становилось все очевиднее. И вот в двадцать лет, сдав экзамены в колледже, Вивек Натх Видж, заручившись поддержкой сахиба¹ Смита, покровителя из англичан, который был давним посетителем их магазина, поступил на военную службу.

Вообще-то для молодого человека с образованием, из благополучной в финансовом плане семьи, никак не связанной с воинской службой, решение записаться в солдаты было необычным. Скромная ежемесячная выплата в одиннадцать рупий едва ли могла соблазнить того, кто вырос в достатке. Вивек принадлежал к касте кхатри, выходцы из которой в эпоху Великих Моголов добились высокого положения, служа управляющими и казначеями. Вивек не имел ничего общего с теми, кто традиционно нес воинскую повинность, не стремился он и дослужиться до определенного чина или приобрести определенный статус. Однако

¹ Сахиб (от *араб.* sahib) — в колониальной Индии наименование знатного лица, преимущественно европейца; господин.



в 1913 году, влекомый не амбициями и не чувством долга, а страстью к приключениям, Вивек официально вступил в индийскую армию. Сом Натх не раз пытался отговорить его, но все напрасно. При других обстоятельствах отец и рад был бы принять решение сына, но необходимость позаботиться о передаче семейного дела не оставила ему выбора, и между отцом и сыном возникли натянутые отношения.

А осенью 1914 года, когда отголоски войны докатились уже и до Индостана, Вивека, солдата Лахорской пехотной дивизии, отправили в составе Экспедиционного корпуса в Европу. Впервые индийцам выпало сражаться бок о бок с британцами на европейской земле. И хотя семейство Видж имело дела с этой нацией — в их магазин заглядывали англичане, и мужчины, и женщины, — в общении с ними они никогда не выходили за общепринятые рамки. Война в сознании Вивека давала шанс оставаться с другими на равных, испытать братство по оружию, подняться выше глубоко укоренившегося чувства собственной неполноценности, сократить, пусть ненадолго, на время военных действий, пропасть между белыми и цветными.

Готовясь отправиться на войну за английского короля Георга Панчама¹, Вивек стоял на пороге «Видж Бхавана». Лила нарисовала у него на лбу тилак²; исходивший от нее землистый запах сандала заполнил прихожую особняка. Сколько Вивек себя помнил, запах этот всегда означал, что мать где-то рядом, и те-

¹ Георг Панчам — принятое в Индии именование короля Георга V.

² Тилак или тйлака — священный знак, который последователи индуизма наносят себе на лоб.



перь, в момент расставания, он вбирал в себя аромат, стараясь запечатлеть образ родного человека каждой клеточкой своего существа. Лила уголком сари промокнула слезы и, гордясь старшим сыном, обняла его, провела рукой по его густой курчавой бороде. Она благословила Вивека, положив руку на его тюрбан, часть военной формы. Мохану тогда было всего четырнадцать; он попросил старшего брата писать ему так часто, как только тот сможет, обо всех чудесах вилаят, этой земли чужестранцев. Вивек обещал. Оглядев двор, он поискал отца — их взгляды встретились. Они не обмолвились ни словом, даже не обнялись на прощание. Вивек развернулся и вышел. Но едва скрылся за углом улицы Решмия, как его окликнули.

К нему бежал отец: бледно-желтая курта трепалась на ветру, на домашние туфли налипли комки грязи, образовавшейся после недавнего дождя. Отряхивая запачканные сзади брюки паджама, он поднял взгляд на Вивека. Между ними вновь установилось молчание, уже такое знакомое; наконец, отец сдался. Впереди долгая разлука, и не годится упорствовать в старых обидах, мягко заговорил он. И вдруг принялся хлопотать себя по карманам, шарить внутри в поисках чего-нибудь, что можно дать сыну с собой на память о доме. Не найдя ничего более подходящего, он достал записную книжку, совсем небольшую, коричневого цвета, с рельефным тиснением на обложке: «Видж и сыновья, основано в 1830 г. в Лахоре». Пожав плечами, он с застенчивой улыбкой протянул ее Вивеку: за неимением лучшего придется ограничиться этим.

Вивек, взяв у отца книжку, пролистал ее. Первые страницы пестрели цифрами замеров и подробностями заказов, но в остальном книжка была новехонькой.